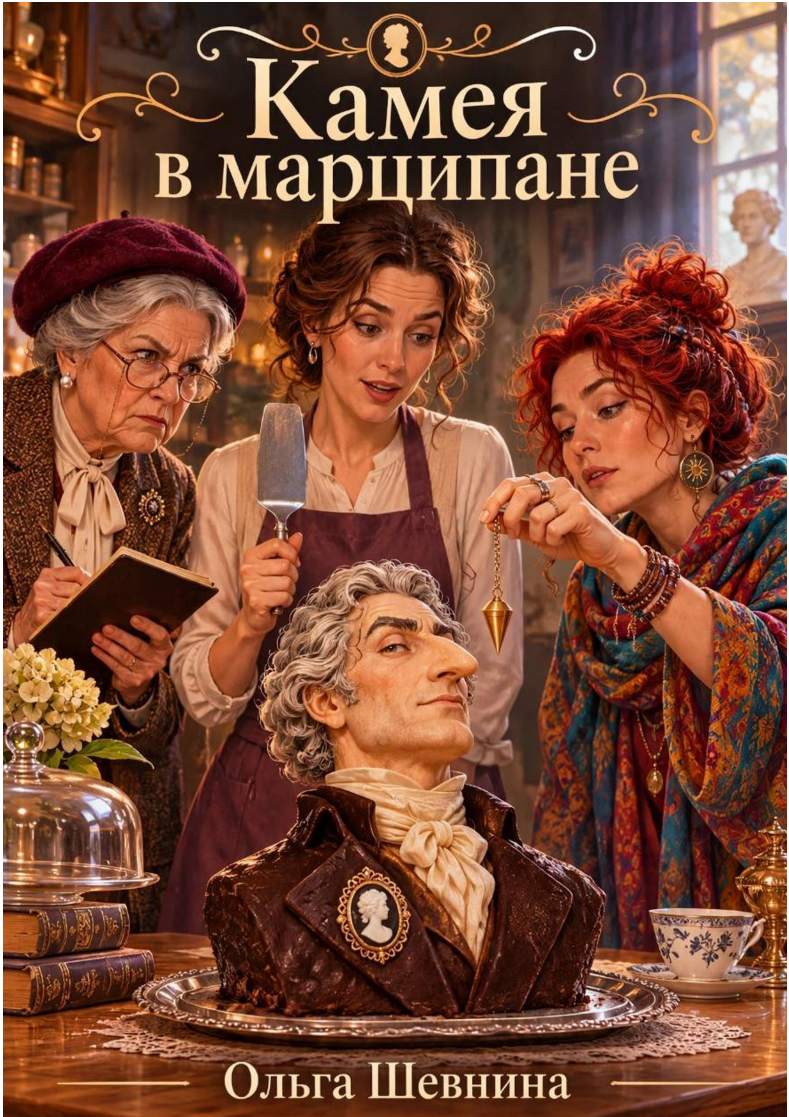

Камея
в марципане
Ольга Шевнина

Ольга Шевнина
Камея в марципане

https://litres.ru/74793194
SelfPub; 2026

Аннотация

Кондитер Алена Смирнова мечтала о выгодном заказе, а получила обвинение в убийстве! На закрытом юбилее известный антиквар съел марципановый нос со своего торта-бюста и упал замертво. В суматохе с его пиджака исчезла старинная камея. Семья решает свалить вину на создательницу десерта. Чтобы не угодить за решетку, вместе с сестрой-эзотериком Лилей и грозной соседкой, бывшим завучем Ниной Петровной, Алена начинает собственное расследование. Под видом уборщицы, настройщика рояля и диетолога она проникает к наследникам, а потом добывает улики в элитном поселке. Кто же настоящий убийца?

Содержание

Глава 1. Синий баклажан и белая смерть 4
Глава 2. Эскиз с фамильной камеей 11
Глава 3. Дом с антиквариатом 18
Глава 4. Марципановый нос 25
Глава 5. Это сделала кондитерша! 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Камея в марципане

Глава 1. Синий баклажан и белая смерть

Будильник на телефоне противно зазвонил в шесть утра, это означало, что начался очередной день моей скучной жизни. А начинался он каждое утро со взвешивания. Я, Алена Смирнова, кондитер-самоучка с десятилетним стажем, вставала на весы, как на эшафот. Электронные цифры судорожно бегали, пытаясь определиться с результатом, а потом с укором показывали последствия моих ночных слабостей в килограммах.

Накануне я вычитала в интернете про «Синюю диету». Автор статьи, некая Виолетта со звучной фамилией Кричковская, утверждала, что скинула пятнадцать килограммов за месяц, питаясь исключительно черникой, баклажанами и гречкой, окрашенной пищевым красителем. Фотографии красотки в обтягивающем платье не давали повода усомниться в ее словах. Сине-фиолетовый цвет якобы подавляет аппетит на психологическом уровне. Я человек увлекающийся, поэтому уже третий день честно ела баклажан на пару. А по ночам меня преследовали видения вареной колбасы и сыра. В то утро весы показали минус сто граммов, негусто,

но хоть что-то. Я мысленно похвалила себя за силу воли и отправилась на кухню работать.

Целыми днями нахожусь в окружении сахара, шоколада и взбитых сливок. И нет, я не съедаю неудавшуюся выпечку и не выскребаю пальцем остатки крема из чаши блендера. Вечером я героически поглощаю салатные листья, приправленные оливковым маслом, без всякой соли. Если бы существовала олимпиада по самоистязанию, я бы точно вошла в сборную страны.

На кухне уже стоял готовый заказ — трехъярусный торт для свадьбы племянницы соседки Валентины Семеновны. Она обязательно найдет, к чему придраться: крем будет слишком плотным, розочки — кривыми, а цвет, конечно, окажется не таким, как на референсе. Я — предприниматель-одиночка без начальника, бухгалтера и курьера, поэтому готова терпеть многое ради стабильного дохода.

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент. Я как раз пыталась переложить верхний ярус торта на подставку, балансируя на шаткой табуретке.

— Але, — промычала я, прижимая трубку плечом к уху.

— Алена Викторовна? — раздался приятный, хорошо поставленный женский голос. — Меня зовут Марина, я помощница Эдуарда Борисовича Самойлова.

Имя показалось смутно знакомым, но связать его с конкретным человеком в тот момент я не смогла. Слишком много клиентов прошло через мою кухню за эти годы.

— Слушаю вас, — ответила я, наконец водрузив ярус на подставку.

— Эдуард Борисович — известный коллекционер антиквариата и модный критик, — пояснила Марина таким тоном, будто я была просто обязана его знать. — У него через несколько дней юбилей, шестьдесят лет. Нам порекомендовали вас как лучшего кондитера в городе для нестандартных заказов.

— Какой торт вас интересует? — спросила я, мысленно прикидывая, сколько коробок маскарпоне понадобится.

— Не совсем обычный, — замялась Марина, и в ее голосе впервые проскользнула неуверенность. — Эдуард Борисович хочет торт в виде собственного бюста, портретное сходство обязательно.

Я чуть не выронила телефон. За десять лет работы мне заказывали торты в форме машин, домов, даже в виде унитаза для холостяцкой вечеринки. Но бюст живого человека — это было что-то новенькое.

— Портретное сходство — это как? — осторожно уточнила я.

— Я пришлю фотографии Эдуарда Борисовича в хорошем качестве, — деловито продолжила Марина. — Также он настаивает, чтобы нос был сделан из марципана, он очень гордится своим аристократическим профилем.

Тут я поняла, что непомерное эго Эдуарда Борисовича вполне соответствует размерам его кошелька. Заказы от та-

ких сумасбродов я люблю больше всего — безумные, но щедро оплачиваемые.

— Хорошо, — согласилась я, — какой бюджет?

Марина назвала сумму, которая помогла бы мне купить новое оборудование на кухню, которое мне было ой как нужно.

— Вечеринка закрытая, — добавила Марина, — список гостей очень ограничен, посторонних не будет, пресса — только избранные издания. Вы должны лично привезти торт и красиво выкатить его на тележке юбиляру, брать с собой помощников нельзя.

Это условие показалось мне странноватым, но я списала его на причуды богатых людей.

Едва я успела положить трубку, как на кухню ворвалась моя младшая сестра Лиля. У нее был запасной ключ от моей квартиры, который я вручила ей в порыве отчаяния, представив себя одинокой старушкой в окружении кошек, а они, знаете ли, существа коварные. Случись что, в отличие от меня они добровольно голодать не будут.

Лиля приходила ко мне, когда ей вздумается, без звонка и предупреждения, что меня, честно говоря, очень раздражало.

— Привет, — сказала она, засовывая палец в крем свадебного торта. — А ты знаешь, что сахар — это белая смерть? Я вчера на курсах была, там женщина рассказывала, как исцелилась от всех болезней, отказавшись от сахара, муки и мяса.

Лиля потрясающая. В свои тридцать с небольшим лет она успела перепробовать столько псевдонаучных практик, что здравомыслящий человек упал бы в обморок. В прошлом месяце она занималась квантовой медитацией, уверяя, что может силой мысли изменить молекулярную структуру воды в стакане. Мой вопрос — «А зачем?» — остался без ответа. До этого были курсы по фэншуй и еженедельные перестановки мебели в квартире, чтобы перенаправить энергии в нужное русло. Русло упорно не хотело находиться, поэтому диван и кресло несколько раз менялись местами.

— Лиль, у меня заказ сумасшедший, — поделилась я новостью. — Торт в виде бюста какого-то модного критика на юбилей.

— Ой, а кто критик? — оживилась сестра, забыв про белую смерть.

— Эдуард Борисович Самойлов, — ответила я, вспомнив наконец, где слышала это имя. — Коллекционер антиквариата, часто в светской хронике мелькает.

— Я недавно видела пост про него в соцсетях, — Лиля наморщила лоб. — Вроде бы две его бывшие жены постоянно крутятся рядом, чем очень раздражают законную третью супругу, молодую и очень привлекательную особу. А еще этот Самойлов коллекционирует какие-то старинные драгоценности.

Я покачала головой. Моя сестра, несмотря на всю свою эзотерическую чудаковатость, обладала феноменальной па-

мятью на светские сплетни.

В этот момент в дверь настойчиво позвонили несколько раз.

— Это Нина Петровна, — обреченно вздохнула я, направляясь открывать.

Нина Петровна, наша соседка снизу, бывший завуч школы номер сто четырнадцать, стояла на пороге с выражением лица человека, разоблачившего государственный заговор.

— Алена, — торжественно начала она, — я к тебе с серьезным разговором. Вчера вечером ты выбросила в мусорный контейнер четыре пустых пакета из-под сахарной пудры. Четыре! Я специально посчитала и записала в блокнот.

Про блокнот я уже знала — Нина Петровна вела учет содержимого мусорных пакетов всего подъезда с особым энтузиазмом.

— У меня был большой трехъярусный торт, Нина Петровна, — терпеливо объяснила я.

— А может, ты что-то запрещенное готовишь? — подозрительно прищурилась соседка. — В наше время под видом кондитерской деятельности разное скрывают.

Лиля за моей спиной прыснула со смеху. Мне пришлось приложить усилие, чтобы сохранить серьезное выражение лица и убедить соседку, что четыре пакета сахарной пудры — это нормальное количество для изготовления легального свадебного торта.

Проводив наконец Нину Петровну, я вернулась на кухню.

Там меня ждал недоделанный торт, странный заказ от загадочного коллекционера антиквариата и сестра, уже полностью погруженная в чтение статьи на телефоне про исцеляющие свойства полнолуния.

Я взяла лопатку для крема и принялась за работу, не подозревая, что согласие на изготовление злосчастного бюста станет началом самой запутанной истории в моей жизни.

Глава 2. Эскиз с фамильной камеей

Закончить свадебный торт в спокойной обстановке мне, разумеется, не дали. Стоило Нине Петровне скрыться на своей лестничной площадке, как моя сестра Лиля оторвалась от экрана смартфона, загадочно улыбнулась и полезла в свою бездонную сумку. Оттуда она извлекла странную конструкцию из медных трубочек, скрепленных между собой блестящей проволокой.

— Вот смотри, — гордо сказала сестренка и водрузила нелепую конструкцию прямо поверх коробки с готовым трехъярусным тортом. — Пирамида золотого сечения! Я купила ее на прошлой неделе у магистра белой магии Светозара. Между прочим, по огромной скидке, как лучшая ученица потока. Сейчас мы зарядим твой кулинарный шедевр вибрациями вечной любви и финансового благополучия, тогда у молодоженов в жизни наступит полная гармония.

Я вздохнула и отложила лопатку. Спорить с Лилей в моменты ее духовного просветления было совершенно бесполезно. Месяца три назад этот же самый магистр Светозар, в котором я по фотографии в соцсетях безошибочно опознала своего бывшего одноклассника Вовку Пыжова, двоечника и хулигана, продал моей доверчивой сестре «тибетскую

поющую чашу». По факту чаша оказалась обыкновенной латунной миской с хозяйственного рынка, только со стертым на дне клеймом завода-изготовителя. Лиля тогда две недели ходила по моей кухне и гудела деревянным пестиком по краям этой посудины, изгоняя из углов сущностей бедности. Не знаю, как там сущности, но пока длился этот концерт, у меня и у соседей по стояку чуть не свистнула фляга.

— Лилечка, сними эту проволоку с коробки, очень тебя прошу, — мягко попросила я и, не дожидаясь ответа, переложила «пирамиду» на подоконник. — Сейчас придет Валентина Семеновна, увидит твою геометрию и потребует скидку за порчу имущества. Она женщина старой закалки, в энергетические потоки не верит, зато считает каждую копейку.

Как по заказу, в прихожей снова затрезвонил звонок. На этот раз на пороге стояла сама заказчица в сопровождении мрачного плечистого внука, призванного выполнять роль грузчика. Следующие двадцать минут прошли по давно известному мне сценарию. Валентина Семеновна придирчиво осмотрела каждую кремовую розочку, посетовала, что оттенок бисквита недостаточно персиковый, и глубокомысленно заметила, что в былые времена сливки взбивали гораздо пышнее. Тем не менее деньги она отдала до последнего рубля, бережно пересчитав купюры три раза, после чего торжественно отбыла вместе с тортом и молчаливым родственником.

Едва за ними закрылась дверь, как на мой телефон пришло сообщение. Марина, помощница модного критика, прислала архив с фотографиями своего шефа и короткую приписку: «Эдуард Борисович просит вас подъехать сегодня к трем часам дня по указанному адресу. Он хочет лично утвердить предварительный эскиз, обсудить состав коржей и выдать вам аванс на закупку продуктов».

— Ну-ка, покажи этого ценителя прекрасного! — Лиля тут же перегнулась через мое плечо, уставившись в экран телефона.

С фотографии на нас взирал импозантный мужчина с безупречно уложенными седыми волосами и невероятно высокомерным выражением лица. Он был одет в классический пиджак винного цвета, а вместо галстука его шею украшал пышный шелковый платок. Главной же достопримечательностью лица Эдуарда Борисовича действительно оказался нос — крупный, с внушительной горбинкой, делавший своего обладателя похожим на благородного римского патриция. Сразу стало понятно, почему на эту деталь мне велели обратить особое внимание: промахнуться с пропорциями такого выдающегося профиля было бы преступлением.

— Вот это носяра, — бесцеремонно рассмеялась Лиля, увеличивая снимок двумя пальцами. — Слушай, на него же полкило марципана уйдет, не меньше! А посмотри, что у него на платке приколото. Это очень редкая камея времен Екатерины II, про эту цацку он в каждом интервью расска-

зывает.

Я присмотрелась к фотографии. Шейный платок критика удерживала крупная овальная брошь в золотой оправе. На темном фоне отчетливо выделялся вырезанный из белого камня женский профиль тончайшей работы. Даже через экран смартфона было видно, что вещица старинная и стоит, как приличная трехкомнатная квартира в центре столицы.

— В светской хронике писали, что эту брошь Эдуард Борисович купил на закрытом европейском аукционе за какие-то безумные деньги, — с видом знатока пояснила сестра, наливая себе в чашку кипяток, чтобы подышать над паром по очередной оздоровительной методике. — Говорят, он с ней вообще не расстается, считает своим талисманом. Из-за этой каменюки у него в семье настоящие баталии идут. Вторая бывшая супруга, Изольда, которая в молодости танцевала в областном театре балета, на каждом углу кричит, что подобные украшения должны принадлежать страстным женщинам, и требует подарить камею ей на память о былых чувствах. Первая жена, Светлана Аркадьевна, дама суровая и расчетливая, считает, что Эдуард обязан завещать реликвию ей в качестве компенсации за потраченную молодость. А нынешняя третья супруга, молоденькая Жозефина, просто молча ждет, когда муж отойдет в мир иной, чтобы прибрать к рукам всю коллекцию целиком.

— Откуда ты все это знаешь? — удивилась я, доставая из шкафа альбом для набросков и простой карандаш. — Ты

же вроде телевизор не смотришь, чтобы не засорять чакры информационным мусором.

— Я вчера в парикмахерской три часа сидела, пока мне кончики волос по лунному календарю подравнивали, — ничуть не смутилась Лиля. — Там на столике журналы лежали за прошлый месяц, вот я и приобщилась к жизни богемы. Между прочим, очень поучительное чтиво! Сразу понимаешь, насколько все эти богачи зациклены на материальном мире, никакой тебе духовности.

За разговорами я быстро набросала в альбоме несколько вариантов будущего торта. Рисовала я вполне сносно, художественная школа в детстве не прошла даром. На бумаге Эдуард Борисович получился даже симпатичнее, чем в жизни: величественный, с гордо поднятым подбородком и той самой злополучной камеей из сахарной мастики на груди.

Взглянув на часы, я поняла, что пора собираться. До особняка Самойлова, расположенного в престижном коттеджном поселке, добираться предстояло через все дневные пробки. Я быстро переоделась в приличные джинсы и светлую блузку, сунула в сумку альбом, а рядом пристроила пластиковый контейнер со своим обедом — тремя кусочками вареного баклажана, который за утро приобрел еще более отталкивающий синюшный оттенок. Желудок при виде этого лакомства тоскливо заурчал, явно намекая, что предпочел бы горячий беляш, однако я проявила твердость характера и направилась к выходу.

В подъезде стояла подозрительная тишина, но когда я поравнялась с дверью на втором этаже, в замке знакомо щелкнуло. На лестничную клетку выглянула Нина Петровна в своем неизменном фланелевом халате, поверх которого для солидности был накинут старый пуховый платок.

— Снова куда-то бежишь, Смирнова? — осведомилась бывшая учительница, окинув меня подозрительным взглядом. — От тебя только что гражданка с молодым человеком большую коробку вынесли. Я все в глазок видела, парень явно криминальный был. Ты бы поосторожнее со своей клиентурой, мало ли кто под видом сладкоежек в дом проникает.

— Это постоянные заказчики, Нина Петровна, не переживайте, — бодро ответила я, ускоряя шаг, чтобы не застрять на лестнице еще на полчаса. — Забрали торт на свадьбу, все совершенно законно!

Выскочив во двор, я направилась к своему верному железному коню, припаркованному у края детской площадки. Моя древняя малолитражка, купленная на авторынке пять лет назад, носила гордое прозвище «Бешеный баклажан». В документах цвет кузова значился как «темно-фиолетовый металлик», но годы и суровые реагенты превратили некогда красивый оттенок в нечто среднее между перезрелым овощем и свежим синяком. Машина обладала независимым характером и множеством мелких причуд, главной из которых была водительская дверь. Открываться обычным нажатием на ручку она категорически отказывалась.

Я привычно огляделась по сторонам, убедилась, что поблизости нет случайных прохожих, способных принять мои действия за акт вандализма, после чего дернула ручку на себя и одновременно со всей силы врезала ботинком чуть ниже замка. Раздался глухой металлический лязг, замок сдался, и дверца со скрипом распахнулась. Этот секретный прием мне в свое время показал прежний владелец машины, клятвенно заверив, что механизм просто немного заедает от сырости и скоро он обязательно разработается сам собой. За пять лет деталь так и не разработалась, зато я в совершенстве отточила удар правой ногой, которому позавидовал бы любой мастер восточных единоборств.

Усевшись за руль и бросив сумку на пассажирское сиденье, я повернула ключ в замке зажигания. Мотор чихнул, кашлянул, словно старый курильщик на холодном ветру, но все же завелся, наполнив салон легкой вибрацией. Выруливая со двора на проспект, я думала исключительно о том, как бы удачнее припарковаться возле особняка знаменитого критика, чтобы никто из его пафосной прислуги не увидел мою позорную машину.

Глава 3. Дом с антиквариатом

Добраться до загородной резиденции модного критика и антиквара по совместительству оказалось непростой задачей. Пробки на выезде из города тянулись бесконечной вереницей, поэтому у меня было предостаточно времени, чтобы всласть полюбоваться осенними пейзажами промзоны и проголодаться.

Поселок, где обитал Эдуард Борисович, назывался «Лазурный берег», хотя никакого водоема поблизости не наблюдалось, если не считать глубокой лужи у въездного шлагбаума. За высокими кирпичными заборами возвышались настоящие дворцы с башенками, колоннами и стрельчатыми окнами. Особняк Самойлова выделялся даже на этом великолепном фоне: трехэтажное здание кремового цвета с лепниной на фасаде больше напоминало старинный музей.

Я благоразумно припарковала свой «Бешеный баклажан» за густыми зарослями декоративного кустарника неподалеку от кованых ворот. Очень не хотелось, чтобы хозяева или их прислуга наблюдали из окон, как приехавший кондитер выбивает заклинившую дверцу собственным плечом изнутри салона. Прежде чем покинуть машину, я достала из сумки заветный пластиковый контейнер и без всякого удовольствия прожевала три синеватых кружочка вареного баклажана. По вкусу овощ напоминал мокрый картон, однако го-

лод немного отступил, сменившись легкой грустью о несовершенстве мира.

У калитки никого не было, только объектив видеокамеры на столбе плавно двигался в такт моей походке. Стоило мне нажать кнопку домофона, как замок мелодично пискнул, приглашая войти. Дорожка, выложенная идеально ровной брусчаткой, шла через ухоженный газон, вдоль которого стояли мраморные статуи с отбитыми по античной моде руками.

Массивная дубовая дверь особняка отворилась прежде, чем я успела подняться на крыльцо. На пороге стоял высокий сухощавый мужчина лет пятидесяти в безупречно отглаженном сером костюме. Лицо у него было настолько неподвижным и лишенным всяких эмоций, словно его высекли из того же мрамора, что и садовые скульптуры.

— Вы Алена Викторовна? — бесцветным голосом осведомился он, сверяясь с экраном планшета в руке. — Проходите, пожалуйста. Меня зовут Вениамин Львович, я личный секретарь Эдуарда Борисовича. Марина, с которой вы беседовали утром, занимается делами в нашем городском офисе, а все дела в этом доме веду непосредственно я.

Я послушно шагнула в просторный холл и невольно затаила дыхание. Если снаружи дом казался музеем, то внутри он был настоящей сокровищницей. Вдоль стен стояли стеклянные витрины со старинными часами, фарфоровыми кубками и потемневшими от времени серебряными табакерками.

С высокого потолка свисала гигантская хрустальная люстра, а под ногами лежал ковер такой пушистости и белизны, что мне отчаянно захотелось разуться и перелететь через него по воздуху, лишь бы не оставить случайный след от подошвы.

— Эдуард Борисович ожидает вас в малой гостиной, — сообщил Вениамин Львович, жестом указывая направление. — Сегодня у нас собрались близкие родственники для обсуждения организационных моментов предстоящего торжества, поэтому прошу вас не обращать внимания на некоторую эмоциональность присутствующих.

Слово «эмоциональность» оказалось очень мягким определением того, что творилось за полуприкрытыми двустворчатыми дверями в конце коридора. Оттуда доносился целый хор повышенных голосов, которые постоянно перебивали друг друга.

— Эдуард, эта сладкая пошлость разрушит твою поджелудочную железу, — раздался холодный, властный голос. Женщина лет пятидесяти пяти с идеальной серебряной укладкой и в строгом жемчужном платье обрезала сухие листья у роскошной орхидеи. Это была Светлана Аркадьевна, первая супруга критика. Она держала секатор с таким выражением лица, будто примерялась не к стеблям цветов, а к шеям окружающих родственников.

— Не слушай ее, душенька! — с противоположного дивана театрально всплеснула руками дама в развевающемся шелковом шарфе всех оттенков изумруда. — Торт — это же

апофеоз чистого искусства, ритуальное поедание прекрасного!

Вторая жена, Изольда, в прошлом артистка балета, разговаривала исключительно с надрывом, словно играла заключительную сцену в трагедии Шекспира.

В углу у рояля, нахохлившись, сидела третья законная супруга юбиляра — молодая девушка по имени Жозефина. На вид ей едва исполнилось двадцать пять. Она молча цедила через трубочку зеленоватую жижу из высокого бокала и непрерывно листала экран смартфона длинным ногтем с ядовито-розовым лаком.

Возле дверей неловко переминались двое молодых людей в одинаковых брендовых пуловерах — племянники Игорь и Виталик. Они тихо переругивались между собой, бросая испуганные взгляды на дядю.

Молодые люди явно скучали от женских споров. Я заметила, как один из них — судя по всему, Виталик — задумчиво вертел в пальцах тяжелую серебряную сахарницу тонкой работы, прикидывая ее вес на ладони с таким видом, словно мысленно уже сдал антикварную вещицу знакомому скупщику из ближайшего ломбарда.

— А вот и наш кондитер! — громко объявил Эдуард Борисович, заметив мое появление, и разом прекратил дамскую перепалку властным взмахом руки. — Проходите, милочка, не стесняйтесь! Показывайте, удалось ли вам уловить масштаб моей личности на бумаге!

Я подошла к низкому кофейному столику, раскрыла альбом и протянула эскизы хозяину дома. В гостиной мгновенно повисла напряженная тишина. Племянники даже вытянули шеи, стараясь заглянуть через плечо дядюшки.

Эдуард Борисович водрузил на переносицу очки в черепаховой оправе и принялся внимательно изучать мои художества.

— Великолепно! — наконец вынес вердикт критик, и его лицо расплылось в самодовольной улыбке. — Вы только посмотрите, Вениамин, насколько точно передан этот благородный римский изгиб! Дамы, учитесь ценить настоящее искусство! Девушка с одного взгляда на фотографию поняла суть моего образа!

— Нос какой-то непропорционально огромный получился, — тут же вставила свою ложку дегтя Светлана Аркадьевна, холодно скользнув взглядом по рисунку. — И зачем было рисовать эту камею на груди? Все и так знают, что ты носишься с ней как безумный, только лишний раз дразнить воров и завистников.

— Завистники сидят прямо в этой комнате, дорогая моя Светочка, — ядовито усмехнулся Самойлов, демонстративно погладив старинное украшение указательным пальцем. — Каждый из вас спит и видит, как бы прибрать к рукам мою коллекцию. Игорь вон третьего дня снова просил денег на какой-то сомнительный проект, а у Виталика вообще долги по всем карточкам, мне служба безопасности докладыва-

ла! Но должен вас огорчить, родственнички: помирать в ближайшие тридцать лет я не планирую!

Виталик при этих словах густо покраснел и поспешно поставил серебряную сахарницу обратно на поднос, а молоденькая Жозефина почему-то вздрогнула так сильно, что едва не уронила телефон. В воздухе запахло грозой, однако меня чужие семейные тайны волновали мало — мне требовалось выяснить технические детали заказа.

— Эдуард Борисович, давайте определимся с начинкой, — деловито вмешалась я, возвращая разговор в кулинарное русло. — Для такого крупного скульптурного торта нужен плотный бисквит, чтобы конструкция не просела под собственным весом. Я предлагаю классический ванильный корж с фисташковым кремом и малиновой прослойкой.

— Сделайте на свой вкус, голубушка, я вам полностью доверяю, — благосклонно кивнул коллекционер, возвращая мне альбом с набросками. — Главное условие касается верхней части. Марципан для лица должен быть высочайшего качества, свежайший, из отборного миндаля! Я намерен на глазах у гостей отрезать и съесть собственный марципановый нос под бокал коллекционного шампанского! Это будет гениальный перформанс, символизирующий самоиронию великого человека!

— Какая безвкусица, — прошептала Изольда, обмахиваясь кружевным веером, который неведомо откуда материализовался в ее руках, но перечить бывшему мужу вслух не

решилась.

— Заказ должен быть доставлен ровно к восьми часам вечера в день юбилея, — бесстрастно резюмировал секретарь Вениамин Львович, протягивая мне плотный белый конверт с авансом. — Въезд на территорию строго по пропускам, номер вашей машины вы продиктуете мне на выходе.

Я спрятала конверт в сумку, попрощалась с хозяевами, которые тут же с новой силой принялись выяснять отношения по поводу какого-то антикварного комода, и с огромным облегчением вышла на свежий воздух. Продиктовав Вениамину Львовичу номер своего «Бешеного баклажана», я почти бегом припустила к спасительным кустам. Очень хотелось поскорее уехать из этого дома, во дворцовых интерьерах которого кипели нешуточные страсти. Тогда я еще не знала, что эксцентричная прихоть юбиляра отведать собственный марципановый нос совсем скоро станет ключевым звеном в скверной криминальной истории.

Глава 4. Марципановый нос

На изготовление кондитерского двойника Эдуарда Борисовича у меня ушло трое суток практически непрерывного труда. Моя кухня напоминала цех по производству скульптур малых форм: повсюду белели мешки с сахарной пудрой, громоздились пустые коробки из-под маскарпоне, а воздух пропитался ароматом миндальной эссенции настолько, что впору было надевать противогаз.

Получившийся шедевр внушал трепет: с широкого серебряного подноса на мир надменно взирал бисквитный критик в шоколадном фраке, с безупречно вылепленными морщинами на лбу и великолепным изогнутым носом из чистейшей миндальной пасты. На лацкане сладкого пиджака красовалась копия екатерининской камеи, отлитая из карамели цвета слоновой кости.

Перевозка съедобного юбиляра на заднем сиденье «Бешеного баклажана» превратилась в отдельное испытание для моей нервной системы. Я ехала со скоростью раненой черепахи, вздрагивая на каждой кочке и ежесекундно поглядывая в зеркало заднего вида, опасаясь увидеть там обезглавленный сладкий труп. К счастью, усиленный каркас выдержал дорогу, и в банкетный зал я внесла бюст в идеальном состоянии.

Вечерний прием в особняке юбиляра поражал чопорной

пышностью. В просторной гостиной, освещенной хрустальными люстрами, собралось не более тридцати человек — исключительно сливки местного антикварного общества, владельцы частных галерей и эксперты аукционных домов. Все гости были одеты строго по протоколу: мужчины в безупречных смокингах, дамы в шелках и фамильных драгоценностях. Никакой громкой музыки или разгульного веселья не наблюдалось, в воздухе раздавался сдержанный смех и негромкий звон бокалов с шампанским.

Сам виновник торжества блистал в бархатном темно-синем блейзере. На левом лацкане его пиджака мерцала та самая старинная камея: искусно вырезанный на многослойном агате женский профиль в золотой оправе. Эдуард Борисович принимал поздравления с видом монарха, снизошедшего до общения с подданными, то и дело поглаживая пальцем драгоценный раритет на своей груди.

Семейство критика распределилось по залу с грацией враждующих кланов. Светлана Аркадьевна стояла у мраморного камина, периодически бросая ледяные взгляды на третью супругу юбиляра. Жозефина в алом платье явно скучала и постоянно поправляла золотой браслет на тонком запястье. Балерина Изольда расположилась на софе и вела томную беседу с известным реставратором старинной мебели.

Племянники Игорь и Виталик держались поближе к напиткам, непрерывно опустошая бокалы. В девять вечера я торжественно выкатила сервировочный столик с кондитер-

ским бюстом на середину зала под сдержанные аплодисменты публики.

— Браво, милочка, невероятное портретное сходство! — громогласно объявил Самойлов, подходя ближе и оглядывая собственное сахарное воплощение с нескрываемым восторгом. — Господа, оцените иронию момента! Сегодня мы празднуем не просто мой юбилей, а торжество подлинного вкуса над серостью будней. И я совершу акт художественного каннибализма!

Публика вежливо захихикала, одобряя остроумие хозяина дома. Юбиляр подозвал секретаря, взял с подноса длинный серебряный нож для торта и театрально занес лезвие над марципановым носом своей сладкой копии.

Перед самым ударом Жозефина грациозно подошла к супругу и протянула ему белоснежную шелковую салфетку, украшенную затейливой вензельной вышивкой. Эдуард Борисович рассеянно промокнул губы уголком ткани, аккуратно отрезал миндальный кончик носа, подцепил его острием ножа и картинно отправил себе в рот под одобрительный гул гостей. В следующую секунду триумф сменился кошмаром. Лицо критика внезапно исказилось дикой, нечеловеческой гримасой. Он выронил серебряный нож, который со звоном ударился о край тарелки и упал на старинный паркет. Самойлов схватился обеими руками за горло и начал хрипеть, пытаясь вдохнуть воздух. Глаза его расширились от ужаса, а лицо вмиг стало землисто-серым.

— Эдуард! — испуганно вскрикнула Светлана Аркадьевна. Бокал выскользнул из ее ослабевших пальцев и со звоном разлетелся вдребезги. Критик не удержал равновесие, тяжело завалился набок и рухнул прямо на ковер возле сервировочного столика, опрокинув за собой вазу с белыми лилиями.

В зале поднялся невообразимый хаос. Дамы завизжали, отступая к выходу, мужчины столпились вокруг упавшего хозяина дома. Племянник Виталик наклонился над дядей, пытаясь то ли нащупать пульс, то ли расстегнуть воротник его рубашки. Секретарь Вениамин Львович с каменным спокойствием оттеснил племянника в сторону и опустился на колени рядом с Самойловым.

— Пульса нет, — глухо произнес секретарь спустя полминуты, поднимая тяжелый взгляд на онемевших от страха гостей. — Он скончался.

Я стояла у сервировочного столика, парализованная ледяным ужасом, не в силах пошевелиться. Мой взгляд машинально скользнул по темно-синему бархатному лацкану покойного критика, и внутри у меня все оборвалось. Лацкан пиджака был пуст. Камея исчезла, оставив на дорогой ткани лишь две крошечные рваные дырочки от сломанной булавки.

Глава 5. Это сделала кондитерша!

Шок длился не больше минуты, после чего события начали развиваться со стремительностью снежной лавины. Вениамин Львович первым взял ситуацию под контроль. Секретарь поднялся с колен и попросил всех немедленно пройти в малую гостиную на первом этаже. Гости, напуганные перспективой оказаться свидетелями криминальной драмы, поспешили покинуть торжественный зал без лишних споров. Как только посторонние удалились, Вениамин Львович подошел к дубовым дверям и повернул ключ в замке. В зале остались только члены семьи, секретарь и я, застывшая возле своего десертного столика с серебряной лопаткой в онемевших пальцах.

— Вызовите скорую помощь, немедленно звоните в полицию! — вскрикнула Изольда, театрально заламывая тонкие руки. — Эдуарда убили, это очевидно любому зрячему человеку!

— Прекрати истерику, — оборвала ее Светлана Аркадьевна ледяным тоном, от которого у меня по спине пробежал мороз. — Никаких звонков по официальным номерам. Если сюда заявятся люди в погонах с мигалками, к утру пресса раструбит о случившемся на всю страну. Через три дня должен состояться аукцион европейского фарфора. Шумиха вокруг внезапной гибели владельца обрушит торги, креди-

торы заблокируют счета фонда, и мы пойдем по миру с протянутой рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.